

не месте возможного свидетеля / подсудимого /присяжного /прокурора и т. д., задаваясь вопросом «А что бы сделал я, на месте...». На наш взгляд ключевым параметром взаимодействия автора, героя и читателя будет сравнение собственных представлений о том, какое из равенств является верным «закон = справедливость» или «закон vs справедливость».

Библиографический список

1. Grisham, J. A Painted House / J. Grisham. – London: Arrow Books, 2001. – 466 p.
2. Grisham, J. Videopodcast «John Grisham Answers Book Club Questions (St. Petersburg, FL, USA) from 15 April 2020. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JqgHfosfmjk> (дата обращения: 07.08.2025).

Кудрявцева Ирина Константиновна

канд. филол. наук, доцент (Белорусский государственный университет
иностранных языков, г. Минск, Беларусь)
irina.kudriavtseva@gmail.com

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В МАЛОЙ ПРОЗЕ Р. РЭША (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «ИХ ДРЕВНИЕ, СИЯЮЩИЕ ГЛАЗА»)

В статье рассматриваются ключевые для американского писателя Рона Рэша парадигмы отношений «человек–природа» на материале рассказа «Их древние, сияющие глаза» («Their Ancient, Glittering Eyes»), впервые опубликованного в 2006 г.

Ключевые слова: юмор, интертекстуальность, символ, литература США, Рон Рэш.

В произведениях американского писателя Рона Рэша изображению взаимодействия человека и мира природы отводится особая роль, так как история, традиции, природа его родного края – горных регионов штата Северная Каролина, где уже более двух столетий живут многие поколения его семьи и где вырос, живет и работает он сам, – являются главным источником тем, образов и сюжетов его стихотворений, романов и рассказов. В этом контексте примечателен рассказ «Их древние, сияющие глаза» («Their Ancient, Glittering Eyes»), впервые опубликованный в журнале «The Kenyon Review» в 2006 г., в котором, на наш взгляд, представлены ключевые для Рона Рэша парадигмы отношений «человек–природа», отражающие авторскую систему ценностей.

Харли Уис, один из жителей небольшого городка в округе Джексон в Северной Каролине утверждает, что поймал на крючок гигантскую рыбу (*like a alligator but for the fins* [1, p. 175]), но удочка сломалась, леска порвалась, и рыба уплыла. Местные мальчишки ранее уже говорили о том, что видели в заводи реки Такаседжи огромную рыбу, но им никто не поверил. Трое местных старожилов (76-летний Крич, 89-летний Рудиселл и Кэмпбелл, которому также за 80) решают следить за заводью с моста, вооружившись очками и подзорной трубой, и в результате действительно замечают большую рыбу, которую, однако, не могут соотнести ни с одним известным им видом. Окружной инспектор по охране природы, 38-летний Чарльз Микинс, приехавший сюда из Висконсина четыре года назад, уверен, что это просто большой карп или форель. Однако местные рыбаки решают продолжить удить в заводи, надеясь все же выловить таинственную рыбу, и Рэш детально перечисляет множество типов наживок и способов ловли, которые они используют, что создает эффект гротескного преувеличения и контрастирует с незначительными

результатами их усилий: *During the first two days five brown trout, one speckled trout, one ball cap, two smallmouth bass, ten knotty heads, a bluegill, and one old boot were caught* [1, p. 181]. Среди версий того, что за существо плавает в реке, есть и довольно экзотические: вполне серьезно рассматриваются такие варианты, как аллигатор, кит, бегемот и даже русалка. В комическом ключе описываются в рассказе и сами старики, завсегдатаи местной лавки, которые в тёплые дни выходят на крыльцо погреться на солнышке, подобно рептилиям (*sunning out front like reptiles* [1, p. 173]). Крич, Кэмпбелл и Рудиселл уверены, что мир деградирует, при этом Рудиселл и Кэмпбелл винят в этом Франклина Рузвельта и фторирование воды, а Крич – Элвиса Пресли и телевидение [1, p. 174]. Чарльз Микинс снисходительно называет их «Винкен, Блинкен и Нод», как героев стихотворения для детей американского писателя Юджина Филда (первоначальное название «*Dutch Lullaby*»), впоследствии «*Wynken, Blynken and Nod*»), которые отправляются на рыбалку в деревянном башмаке и пытаются поймать сетью звезды в ночном небе, думая, что это селедки.

В тоже время у читателя создается достаточно полное представление об обитателях рек и других водоемов в Аппалачском регионе, который представлен как уникальная экосистема. В рассказе упоминаются, в частности, такие виды рыб, как карп (*carp*), окунь (*smallmouth bass*), щука (*pike*), разные виды форели (*brown trout, speckled trout, rainbow trout*), синежаберник (*bluegill*), тарпон (*tarpon*), сом (*catfish*), пескарь (*minnow*), гольян (*knotty head*), а также другие животные – ондатра (*muskkrat*), черепаха (*snapping turtle*), ящерица (*lizard*), саламандра (*hellbender salamander*), скунк (*blue-tailed skink*), рак (*crayfish*), разные виды змей (*copperhead, water snake, serpent*). Однако детальное изображение процесса ловли рыбы, обсуждение приспособлений для рыбалки и того, что и как было поймано, указывает скорее на потребительское отношение к природе, а упоминание конкретных производителей рыболовных принадлежностей свидетельствует о том, что современная рыбалка – это целая индустрия: *The lure contingent favored spinners of the Panther Martin and Roostertail variety though they were not averse to Rapalas, Jitterbugs, Hula Poppers, Johnson Silver Minnows, Devilhorses and other hook-laden pieces of wood or plastic. <...> A subgroup of fly fishermen cast Muddler Minnows, Woolly Boogers, Woolly Worms, Royal Coachmen, streamers and wet flies, nymphs and dry flies, and some hurled nymphs and dry flies together that swung overhead like miniature bolas* [1, p. 180].

Не добившись успеха, местные рыбаки постепенно прекращают попытки выловить рыбу, и Крич, Кэмпбелл и Рудиселл, которым удалось снова заметить ее в реке, решают взять напрокат необходимое снаряжение и попытаться самим это сделать. Кроме того, они берут в ближайшей библиотеке огромный том энциклопедии «*Freshwater Fish of North America*», чтобы по иллюстрациям сразу определить, что же это за рыба, когда они ее поймают. Намеченная автором в начале рассказа юмористическая трактовка событий и героев отходит на второй план; в фокусе внимания оказывается гносеологический аспект отношений «человек–природа»: насколько возможно познать и зафиксировать явления природного мира? приближает ли это человека к познанию самого себя? Рыбалка превращается для героев в «трансцендентный поиск смысла посредством встречи с древней рыбой» («*transcendental quest for understanding in the encounter with the ancient fish*» [2]).

Рудиселл решает использовать как наживку водяную змею, и это приносит результат – рыба заглатывает крючок, однако продолжает кружить по заводу, то

уходя на глубину, то поднимаясь к поверхности, приближаясь и отдаляясь. Драматизм повествования усиливается по мере того, как обессилевшие Кэмпбелл и Крич передают друг другу удочку, чтобы удержать огромное существо на крючке, а Рудиселл пытается захватить его крюком для сена как своего рода багром, но промахивается, и здесь в рассказе обнаруживаются переключки с такими известными произведениями американской литературной классики, как «Моби Дик» Г. Мелвилла и «Старик и море» Э. Хемингуэя.

В какой-то момент рыба появляется над водой и направляется прямо к Кэмпбеллу, держащему удочку, и героям удается ее хорошо ее разглядеть и сравнить с иллюстрациями в энциклопедии. Огромным существом оказывается осетр, который когда-то обитал в здешних водах, но теперь находится под угрозой исчезновения: *Rudisell sat down beside the book and rapidly turned pages of color photos until he saw it. «It's a sturgeon,» he shouted, then turned to where the printed information was and began to call out bursts of information. «Can grow over seven feet long and three hundred pounds. That stuff that looks like armor is called scutes. They's even got a Latin name here. Says it was once in near every river, but now endangered. Can live a hundred and fifty years* [1, p. 188]. Герои поражены величественным видом и мощью осетра: *what they saw was over six feet long and enclosed in a brown suit of prehistoric armor, the immense tail curved like a scythe* [1, p. 187], а также множеством разнообразных крючков и приманок у него во рту, свисающих подобно боевым наградам: *the sturgeon's wide mouth opened revealing an array of rusting hooks and lures that hung from the lips like medals* [1, p. 189]. Как указывает Ф. Палло-Папен, здесь присутствует интертекстуальная отсылка к известному стихотворению американской поэтессы Элизабет Бишоп «Рыба» («The Fish,» 1946), в котором также упоминаются крючки и лески, свисающие, как медали на лентах, изо рта пойманной рыбы (*[l]ike medals with their ribbons*) – свидетельство ее побед в предыдущих столкновениях с рыбаками [2].

Однако кульминационным моментом рассказа является, на наш взгляд, не разгадка тайны рыбы, а решение Рудиселла в последний момент перебить крюком натянутую леску и таким образом отпустить осетра: *Rudisell's blue eyes brightened for a moment, and an enigmatic smile creased his face. The hay hook's sharpened point flashed, aimed not at the fish but the monofilament. A loud twang like a broken guitar string sounded across the water. The rod whipped back and Campbell stumbled backwards but Creech caught him before he fell. The sturgeon was motionless for a few moments, then slowly curved back toward the pool's heart. As it disappeared, Rudisell remained kneeling on the sandbar, his eyes gazing into the pool* [1, p. 189]. Здесь представлена еще одна парадигма отношений человек–природа, в рамках которой явления природы наделяются онтологическим статусом, становятся равнозначными человеку. Подобные моменты эпифании переживают и герои У. Фолкнера, решающие отпустить пойманного на охоте зверя, отпускает рыбу и лирическая героиня стихотворения Э. Бишоп. С решением Рудиселла соглашаются его товарищи, в частности, Кэмпбелл: *You done the right thing. I didn't see it at first, but I see it now* [1, p. 190].

Примечателен финал рассказа: в качестве доказательства реальности пойманного осетра у стариков остается лишь щиток (костная пластинка) с его «брони», который они демонстрируют Микинсу и удаляются, не дожидаясь его комментария. Приподнятый, возвышенный тон финального предложения усиливает ощущение их встречи с осетром как чего-то таинственного и мистического, сродни религиозному

опыту: *It was a slow, dignified procession. They walked westward toward the store, the late-afternoon sun burnishing their cracked and wasted faces. Coming out of the shadows, they blinked their eyes as if dazzled, much in the manner of old-world saints who have witnessed the brilliance of the one true vision* [1, p. 191]. Здесь актуализируется интертекстуальный подтекст названия рассказа, представляющего собой прямую цитату из стихотворения ирландского поэта У. Б. Йейтса «Ляпис-лазурь» («*Lapis Lazuli*», 1936), в котором фигурки трех китайских стариков из лазурита являются воплощением мудрости и умения видеть красоту окружающего мира и радоваться жизни, несмотря на все проблемы и несчастья.

Представляется не случайным, что в качестве воплощения природного начала в рассказе автором был выбран именно осетр. «Осетровые рыбы <...> представляют собой поистине уникальную группу позвоночных, чья история насчитывает сотни миллионов лет. Эти величественные обитатели вод, чьи предки плавали в реках и морях еще во времена динозавров, являются живым свидетельством эволюционной истории планеты» [3]. Рыбы семейства осетровых известны не только своим древним происхождением, но и огромными размерами и долголетием (могут достигать возраста более 100 лет, длины около 6 метров, веса более 800 килограммов), а также силой, выносливостью и осторожностью; их ловля требует особого терпения и мастерства. Они имеют важное промысловое значение из-за своего высококачественного мяса и ценной икры, однако в результате чрезмерного вылова, ухудшения экологии и разрушения среды обитания популяции осетровых рыб во всем мире находятся под угрозой исчезновения. В частности, в Беларуси осетры давно не ловятся в силу ряда причин, ключевой из которых стало строительство плотин на Днепре и Немане, преградивших путь осетрам в Беларусь (последнего балтийского осетра в Беларуси выловили в 1952 г.) [4]. Кроме экономического, осетр имеет и культурное значение: «Осетровые рыбы на протяжении веков вдохновляли художников, писателей и музыкантов. Их изображение можно встретить в древних мозаиках, средневековых миниатюрах и современных произведениях искусства. В литературе осетровые рыбы часто символизируют силу, долголетие и мудрость» [3]. Так, в повести В. П. Астафьева «Царь-рыба» (1976) осетр выступает в качестве символа мощи природы и высвечивает нравственное начало в человеке.

В рассказе Рона Рэша можно провести параллели между стариками и осетром – автор акцентирует их возраст, богатый жизненный опыт, достоинство, осторожность, упорство, боевой характер. Если осетры играют важную роль в поддержании здоровья пресноводных экосистем, являются важной частью природного и культурного наследия Аппалачского региона, то старики-старожилы – необходимая часть местного сообщества, хранители опыта, памяти, культурных традиций. Отпуская осетра руками своего героя, автор предлагает читателям уважать и беречь и тех, и других.

Таким образом, в рассказе Рона Рэша «Их древние, сияющие глаза» представлены разнообразные сценарии взаимодействия человека и природы – от потребительского отношения до проблем гносеологии и онтологии природы. Общая ценностная перспектива произведения выражается посредством ценностных ориентаций героев, сюжетно-композиционной структуры рассказа, его эмоциональной окраски, в которой сочетаются юмор, ирония, гротескное преувеличение, драматизм и приподнятые, возвышенные интонации. Наличие многочисленных зоонимов и топонимов (Balsam Mountain, the Tuckasegee River, Jackson County,

Spillcorn Creek, Sylva, Walhalla) создает в произведении особый Аппалачский хронотоп, который, однако, расширяется за счет интертекстуальных включений и перекличек. Все это позволяет автору не только воссоздать аутентичную атмосферу Аппалачской глубинки, но и выйти за рамки «местного колорита» и затронуть значимую нравственную, социальную и экологическую проблематику.

Библиографический список

1. Rash, R. Something Rich and Strange / R. Rash. – New York: Ecco, 2015. – 434 p.
2. Palleau-Papin, F. «Their Ancient, Glittering Eyes»: A Story of Hieratic Vision / F. Palleau-Papin // Journal of the Short Story in English. – 2020. – № 74. – P. 39–52. – URL: <http://journals.openedition.org/jsse/3040> (date of access: 02.08.2025).
3. История осетровых рыб // Алуштинский аквариум. – URL: <https://alushta-aqua.ru/novosti/istoriya-osetrovyix-ryib/> (дата обращения: 10.07.2025).
4. Последнего балтийского осетра выловили в Беларуси в 1952 году. Что и когда изменило фауну белорусских водоемов? // Смартпресс. – URL: <https://smartpress.by/idea/zoo/48044/> (дата обращения: 02.08.2025).

Кузменкова Тамара Михайловна

*преподаватель-стажёр (Полоцкий государственный университет
им. Евфросинии Полоцкой, г. Полоцк, Беларусь)
t.kuzmenkova@psu.by*

ТРИАДА «КРАСОТА–ИСКУССТВО–ЖИЗНЬ» В СТИХОТВОРЕНИЯХ В ПРОЗЕ О. УАЙЛЬДА

В статье раскрываются специфика художественного воплощения ключевых концептов О. Уайльда «красота», «искусство» и «жизнь» нашли в сборнике «Стихотворения в прозе» (1894).

Ключевые слова: аксиологические установки, О. Уайльд, стихотворения в прозе, «чистое искусство», эстетизм.

Творчество О. Уайльда (*Oscar Fingal O'Flahertie Wills Wilde*, 1854–1900) стало отражением культурного, социального и политического положения Англии на рубеже веков. Категории «красота», «искусство» и «жизнь» нашли в творчестве О. Уайльда специальные художественные средства выражения, связанные с системным использованием различных изобразительно-выразительных средств (эпитетов, метафор, сравнений, гипербол, образов-символов, аллюзий), которые легли в основу его парадоксов, ставших не столько языковым приёмом, обеспечившим своеобразный игровой момент, но и способом постижения многогранной реальности.

Стихотворение в прозе – это лирическое произведение в прозаической форме, которое имеет небольшой объем, повышенную эмоциональность, обычно бессюжетную композицию, общую установку на выражение субъективного впечатления или переживания. Отсутствует метр, ритм, рифма [1, с. 1039]. Сборник стихотворений в прозе для О. Уайльда стал итогом его творческой эволюции, он обновил концепцию эстетизма, говоря о том, что подлинное искусство не может существовать вне жизни, для которой свойственны морально-этические дилеммы, а истинная красота немыслима без сострадания. Уайльд выстраивает триаду «красота-искусство-жизнь» как единую систему, где искусство, пройдя через страдания, обретает подлинную глубину, а жизнь, осмысленная через призму